

Никто не поверит сейчас, но ни разу от ребят своего возраста и старше не слышал матерного слова

БОСОНОГИЕ ПОДЗАБОРНИКИ

РИС. ВИКТОРА РАМИХА

ПРОЧЕЛ НЕМАЛО воспоминаний о прошлом Магнитки. И самому, поскольку тоже старожил, захотелось покопаться в памяти, восстановить по крупницам былые с той поры, когда стал осознавать себя.

Первая яркая картина: деревянный вагончик с лесенкой. Наверное, забылся бы он, если бы, резво бегая, как все малыши научившиеся хорошо держаться на ногах, не налетел на самовар и не был слегка ошпарен... Прочнее в той глубокой давности запомнился барачный, белоснежный строй, в одном из которых находилась наша комнатуха со столом, двумя табуретками и кроватью.

В ту зиму мы здесь жили с отцом, а мама с годовалым братишкой осталась у родителей в теплом Краснодаре. А нас согревала печка. Она и оставила незабываемое впечатление.

Отец перед уходом на службу сильно ее натопил. Накалившаяся добела дверка с частью содержимого свалилась на пол, и он загорелся. Мой вопль разбудил соседей, и они, выломав дверь, потушили огонь, а меня увели к себе, уложив на сундук, накрытый тулупом, где я сразу же заснул. После этого отец, чтобы не оставлять меня одного, поселился у замужней сестры, которая занимала квартиру в Соцгороде.

Снова, опять же в холода, мы вернулись в барачный поселок с воссоединением родителей. В дощатых, обитых дражкой, чтобы прочнее держалась штукатурка, помещениях, всегда пахло керосином, поскольку ни на чем другом, как на примусах, нельзя было готовить здесь пищу. А по ночам донимали выползающие из всех щелей клопы.

Мы, ребятня, заводили беготню в теплом коридоре. Но из озорства отваживались выбежать на улицу, однажды даже промчались босиком по снегу вокруг барака. В детском саду поблизости скатывались на санках с обледенелой горки. Медсестра наставляла воспитательницу, чтобы не разрешала нам ложиться на сани, но не убергла от трахомы, гнойного воспаления глаз, из-за чего впоследствии я приобрел близорукость.

К тому дню, как пошел в первый класс, семья переселилась в двухэтажный бревенчатый дом на 1-м участке. Дома эти располагались под горой, на вершине которой

находилась моя первая школа, а внизу, у подножия, была канава, наполняемая ржавого цвета водой с рудника. Зимой канава замерзала, и мы бегали по ее неровному льду на коньках, накрепко, как умели, привязанных веревками к валенкам. Ботинки тогда были редкостью. Самая ходовая обувь летом – сандалии, самодельные тапочки – и те надо было поискать, поэтому до глубокой осени носились по двору босиком.

Ну и время же было золотое! С самого утра, лишь только громкоговоритель в виде черного рупора на стене пропоеет привычное: «Вставай, проснись, кудрявая, на встречу дня!», мы, ребятня, уже на ногах и, наспех позавтракав или захватив с собой намазанный маргарином или повидлом ломоть хлеба, спешим на волю. Забавно, что Кудрявой в нашей квартире звали маленькую соседскую собачонку, и она на этот призыв отвечала звонким лаем и выбегала вслед за нами по своим собачьим делам.

А нас занимали игры, которым не было конца: лапта, чижик, гуси-лебеди, прятки, разведчики, третий лишний. Порой возникали раздоры с соседней ребятней, и мы метали в них нанизанные на прутья глиняные шарики. Возникли драки посерьезней, когда, перейдя границу «Парк культуры», к нам проникали мальчишки из поселка 5-й участок. Тут уж приходилось уворачиваться от комков земли. Мы крепко держали оборону, защищаясь от этой пальбы щитами из фанеры или дощечек. А потом, выбрав момент, сами переходили в наступление, отгоняя нападавших. Никто не поверит сейчас: ни разу тогда от ребят своего возраста и старше не слышал матерного слова.

В тот год была война в Испании, и в знак солидарности с интернациональной бригадой этой страны мы носили «испанки» – головные уборы, по форме напоминающие бумажные лодки.

Вот что еще отметил про себя. Все события, связанные с конфликтами, которые как-то затрагивали интересы СССР, – боевые действия в Испании, стычки на озере Хасан, Халхин-Голе, неуклонно сказывались на снабжении населения продуктами первой необходимости. Возникали длинные очереди за хлебом. Неподатливая Маннергейма линия наделила горожан, пока длилось это противостояние, талонами на продукты, на-

зываемые почему-то «заборными». И мы в шутку тогда называли себя подзаборниками.

Летний отдых, когда родители получали возможность весь день оставаться с нами, проводили в «Березках» или на второй плотине. Как чисты и приветливы были тогда эти загородные места – вот бы сейчас такое. Банное озеро – мы были там с отцом всего лишь один раз – не было так обустроено, как сейчас. Увидел там незатейливое деревянное строение, хлипкий дощатый причал. И добираться туда было нелегко: переплывали заводской пруд на пароме, а дальше везли на допотопном грузовике.

1938 год памятен первым коммунальным удобством. Получили большую комнату в доме на улице Пионерской, где были кухня, ванная и туалет. Этот цивилизованный – с фонтанами, парками – городской уголок казался раем. Школа, где в годы войны разместилось танковое училище, а потом пединститут, магазины, мастерские ремонтные, баня – все было буквально в трех шагах, асфальтовые тротуары, песчаные дорожки – чего еще желать после той грязи, которую приходилось месить осенью и в дождь. Здесь, на Пионерской, впервые появился обувной магазин, переоборудованный с годами в краеведческий музей, а затем еще во что-то.

И Дворец культуры металлургов к этому времени уже построили, куда из Соцгорода перебралась библиотека, в которой начинала работать, а потом возглавила моя мама Валентина Александровна, и где я пропадал часами, выбирая интересную книгу. Тогда, помнится, в детской библиотеке, находившейся в том же дворце, дети не только брали книги, но и играли в настольные игры, которых было здесь великое множество.

Повезло еще, что попал в образцовую школу, которой дал такой уклон замечательный директор, бывший военный. День начинался с построения и заканчивался тем же. Вечерняя линейка определяла лодырей, которых в наказание не отпускали домой, пока не выполнят уроки. Строго, но результативно. Школа по всем показателям занимала в городе первые места. В седьмом классе, во второй год Великой Отечественной войны, когда я был вынужден поступить в ремесленное училище, здесь и кончилось мое детство.

ВЛАДИМИР ПЕТРЕНКО.

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Кому «первый кнут»?

ОТ ОДНОГО ЗНАКОМОГО услышал: «Моему сыну-пятикласснику 17-летний хулиган заткнул за шиворот горящий сверток».

Говорил отец с расстройством и возмущением: «Сын всю ночь не спал, плакал, стал хуже учиться». А потом признался, что и сам по натуре робок, что иногда выгоднее промолчать... Но, собравшись с духом, заявил в милицию, за что жена и соседка устроили ему «головомойку».

Хулиганы среди нас, добровольно взявших обет молчания, чувствуют себя вольготно. Для поддержания им уютного климата они еще специально нагнетают страх. Вольготно не только хулиганам, но и хапугам – среди молчунов и те чувствуют себя спокойно.

Но откуда берутся удобные молчуны? Речь не о тех, кто по складу характера молчалив. Они, когда надо, не промолчат, говорят редко, да метко. Я о молчунах по убеждению. Кто их формирует? Главный заряд они получают, конечно, в семье в виде советов: не связывайся, не высывайся, отойди в сторону. Свою лепту вносят и некоторые телевизионные передачи. Например, в одной детской программе взрослые дяди вспоминали свои школьные годы: мол, тоже не были ангелами. И тут же иллюстрация – один мальчик уколол другого чем-то острым, да так больно, что тот, вскрикнув, даже подскочил. Подошла учительница – озорник не признался. Тогда третий встал и рассказал, как было дело. Учительница без колебаний удалила из класса и озорника, и потерпевшего, а заодно и третьего, сказав назидательно: «Доносчику – первый кнут!»

Помилуйте, какой же он доносчик? Донос – это тайное сообщение, наушничество, а мальчик открыто перед всем классом сорвал маску с лжеца. Согласитесь, для этого нужно иметь мужество: ведь озорник может потом и бока намаять. А мальчик не побоялся. Но его выгнали за дверь с ярлыком доносчика. Удивительно ли, что там, за дверью, он и получит свой «первый кнут»? Еще два-три таких урока, и класс хором запоет: «Ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу». Но вернемся к передаче.

– За что третьего-то выгнали из класса? – негодует пожилая знакомая.

– Он же не ябеда, – объясняет ее внучка.

Бабушка такое представление внучки озадачило. Решили на примере показать, что она ошибается:

– Помнишь, у тебя какой-то мальчик спрятал пенал? А подружки видели и сказали воспитательнице. Так что же, они – ябеды?

Пример поставил девочку в тупик. Ведь если бы не подружки, не видать ей красивого пенала.

Ябедничество отвратительно. Но почему в детском саду и даже в школе детей приучают молчать даже в тех случаях, когда их, пусть даже очень малый опыт, готов кричать от возмущения? К счастью, не все воспитатели и учителя спешат наклеить обидный ярлык всякому, посмевшему вслух сказать о том, что он видел своими глазами.

Вспомнил случай из своей школьной жизни. Разбили в классе стекло. Учительница спросила: кто? Гробовая тишина. Но стоило ей сказать: «Я вынуждена буду спросить Иру, вы знаете, она – не отомолчится!» – как сразу поднялся виновник: «Я не нарочно!»

Обратите внимание на такт учительницы. Иная, зная правдивость ученицы, спросила бы напрямую: «Ира, кто разбил стекло?» Но она убергла девочку от ярлыка ябеды. И разбивший стекло не обиделся на Иру. Самому, правда, было трудно признаться. Но Ира помогла одним своим присутствием.

Конечно, нехорошо, когда ребенок часто и по всякому пустяку жалуется. Надо объяснить ему, что это дурно, но не заклеивать рот обидным ярлыком. Иначе мы получим молчуна, который при разборе серьезного ЧП не вскинет руку. Когда повзрослеет, будет молчать везде, даже если возникнет необходимость в свидетельстве. Борцом не станет, ибо это качество, как и многие другие, родом из детства.

ГАРРИ ВЛОДАРЧИК,
ветеран труда.